

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 615.851:343.8

DOI 10.46741/2686-9764-2019-13-3-410-416

Сотериологический потенциал развития теоретико-методологических основ юридической психологии и психотерапии осужденных

А. М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности;

С. В. КОВАЛЕВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам;

Н. С. ОБОТУРОВА – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

Реферат

В статье обосновывается необходимость включения важнейших категорий «дух» и «духовность» в научную психологию. Показана перспективность дальнейшего развития методологии юридической психологии осужденных на основе анализа духовной сущности человека. Философско-антропологический анализ духовности человека актуализирует важность традиционных консервативных подходов к рассмотрению проблемы, допускающих включение богословских парадигм и принципов в виде совокупности образцов рассуждения, образцов экзегетики Священного Писания и других творений Церкви. С этих позиций рассматривается сотериологический ракурс антропологии и богословия в трудах русских мыслителей. Раскрывается смысл достижения духовности в деле спасения человека и приводится положение И. А. Ильина о том, что вне Бога нет жизни, поскольку Он есть Один Суший и это закон Его Всецелого бытия. Знание этого закона имеет предельный практический смысл не только для раскаяния в совершенном преступлении и исправления осужденных, но и для спасения души каждого человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а : методология; юридическая психология; пенитенциарная психотерапия; антропология; богословие; философия и антропология; парадигмы рациональности; психология; осужденные; дух; душа; духовность; бытие; сущее; вечность; спасение; зло; небытие; сознание; ум; познание; развитие; бессмертие; вечность; психика человека; внутренний мир; субъективная реальность; сотериология; осужденные; человек; личность; парадигма; трансцендентность; постнеклассическая наука; либерализм; консерватизм; традиционные воззрения; деструктивная духовность.

19.00.06 – Юридическая психология

Soteriological potential for the development of theoretical and methodological foundations of legal psychology and psychotherapy of convicts

A. M. CHIRKOV – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal

Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety;

S. V. KOVALEV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Personnel;

N. S. OBOTUROVA – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety

Abstract

The article substantiates the need to include the most important categories of «spirit» and «spirituality» in scientific psychology. The prospects of further development of the methodology of the legal psychology of convicts based on the analysis of the spiritual essence of man is presented. A philosophical and anthropological analysis of a person's spirituality actualizes the importance of traditional conservative approaches to considering the problem, allowing for the inclusion of theological paradigms and principles in the form of a set of reasoning samples, exegetical examples of the Holy Scriptures and other creations of the Church. From this perspective the soteriological perspective of anthropology and theology is considered in the works of Russian thinkers. The article reveals the meaning of spiritual achievement in the work of saving a person and gives the position of I. A. Ilyin that there is no life outside of God, since He is the One Existing and this is the law of His Whole Being. Knowledge of this law has ultimate practical meaning not only for repentance of the crime and correction of the convicted, but also for the salvation of the soul of every person.

Key words: methodology; legal psychology; penal psychotherapy; anthropology; theology; philosophy and anthropology; paradigms of rationality; psychology; convicted persons; spirit; soul; spirituality; being; existent; eternity; the rescue; evil; nothingness; consciousness; mind; cognition; development; immortality; eternity; human psyche; inner world; subjective reality; soteriology; convicted persons; person; personality paradigm; transcendence; post-non-classical science; liberalism; conservatism; traditional views; destructive spirituality.

19.00.06 – Legal psychology

Основополагающий теоретический потенциал психотерапии, как и исторические предпосылки ее возникновения, изначально формировался в философских учениях о человеке – его душе, разуме, духовности, воле, чувствах и т. д. В процессе развития психотерапии использовалась большая часть ресурса академических теоретических положений общей и отраслевых разделов психологии: психологии личности, экспериментальной, юридической и других. Позитивистская трактовка духовного мира человека подменила в психологии понятие души психикой, устранив имеющиеся в философии, религии и культуре представления о душе, ее сущности и свойствах. И если первоначально психологами душа не отрицалась, хотя и не изучалась, поскольку требовала философско-метафизического подхода, то позднее она была полностью исключена из сферы их интересов. Понимание психики осуществлялось на основе рациональных воззрений сциентизма, которым в прошлых веках отвечали «объективные» естественно-научные принципы и знания, заменившие традиционный опыт

познания души и духовности человека. Сохраняющаяся практика элиминации души и духа как духовной реальности из научной психологии свидетельствует о неистребимости усилий психологов свести природу идеального и сущность психического к тем или иным материальным субстратам [4; 12]. Их утрата, по мнению Б. С. Братуся, обернулась драмой не только для психологии, но и для науки в целом. Это привело к распаду единства самой психологии, развенчанию нравственных основ жизни личности и исключению высшего (вертикального) измерения внутреннего мира человека. Следствием явились искажение и примитивизация понимания человеческого предназначения, что привело к искаленным, несостоявшимся, уведенным во мрак судьбам [2].

Сегодня научная психология оказалась раздробленной на множество областей и, не давая определений изучаемым явлениям, «не знает, что именно она изучает», поскольку «пока неизвестно, что представляет собой психика как та реальность, которая должна быть ее объектом и предметом» [14, с. 3]. Противопоставление материи духа,

проходящее красной нитью через всю материалистическую науку, лишило психологию здорового онтологического подхода к явлениям духа. Охвативший разные области академической науки кризис в понимании природы человека отражает и негативный вклад секуляристской психологии в распад традиционных культур и его деформирующее влияние на социальную среду. Но культура не украшение личности, а непосредственно ее сущность, осуществление всех возможностей человека [9]. Цель культуры, и в первую очередь искусства, – пробудить глубочайшие божественные струны, которые могут создать музыку в душе человека. Утрата духовного ядра и самобытности культуры деформирует человеческое бытие и представляет реальную угрозу духовной безопасности современного российского общества [1; 5; 11]. Несмотря на то, что психотерапия опережает в своем экстенсивном развитии психологию, она также продолжает удаляться от понимания целостной духовной сущности человека [12; 13]. Значимость обращения к базовой методологической проблеме – духовной природе человека в пенитенциарной науке – связана и с недостаточностью ее теоретических основ при безудержном нарастании психотерапевтических технологий, не отвечающих критерию безопасности [9].

Постнеклассическая наука с ее полипарадигмальным подходом к сущности человека предоставила свободу выбора таких научно-гуманитарных знаний о его психике и поведении, которые соответствуют мировоззренческой платформе исследователей. Назревший коренной пересмотр философских оснований и теоретических положений психологии связан с возвращением отвергнутого психологами более чем сто лет назад камня (души и духовности), который и должен быть поставлен во главу угла [2]. Признание того, что душа и дух как сокровенные глубины внутреннего мира человека есть реальность, в свою очередь обосновывает принятие идеологии консерватизма, поскольку именно консервативный элемент составляет основу развития, которое «не есть отрицание прошлого, а утверждение того, что в нем заложено, раскрытие вечных элементов бытия» [1, с. 154]. Развитие «раскрывает содержание семени, посеянного не только в глубине веков, но и глубине вечности», поэтому «в процессе развития неизбежно сочетается консервативность с прогрессивностью, с творчеством: охраняется отвоеванная в прошлом сфера бытия и про-

должается отвоевывание новых сфер бытия» [1, с. 155]. Утраченная психологией истинная духовная природа души человека не подлежит экспериментальному исследованию, но ее постижение может быть доступно философии психологии, то есть ключи от психологии находятся в философии [2]. Нерешаемость противоречий между этической, социально-психологической и духовной парадигмами преступного поведения лишают пенитенциарную психотерапию адресности воздействия на базовые проекции (мишени) делинквентности. При наличии техник реконструкции психической сферы из ее поля зрения выпадает самое главное – консервирующая функция духовности человека, обеспечивающая сохранение жизни души. Целью психотерапии в таком случае остается лишь мелкий ремонт внешней стороны души (психики), то есть временное устранение тех или иных негативных психических состояний или симптомов [10; 12]. Привлечение же традиционных философских и богословских воззрений на душу и духовность наряду с каузально-естественными парадигмами к пониманию психики имеет важное теоретическое и практическое значение для юридической психологии. Оно позволяет глубже исследовать природу криминальных форм поведения человека, путей их профилактики и коррекции. Рассмотрение сотериологических аспектов антропологии продиктовано необходимостью предоставить практикующим психологам и воспитателям определенные ориентиры в массиве разноплановой литературы в этой области знания с целью повышения компетентности, необходимой для участия в духовном преображении осужденных. Это ориентирует психологическую помощь на интерес к духовной сфере осужденных и раскрывает важность учета возможных негативных последствий того или иного метода воздействия в их духовной жизни. Помимо обеспечения духовной безопасности осужденных данный подход важен для укрепления целостности теоретического фундамента методологии пенитенциарных дисциплин, включая такую ее область, как философия духовной безопасности, более чем востребованную дисциплину в области профилактики массовой преступности: коррупции, терроризма и других уголовных деяний, природа которых связана с деструктивной духовностью [5; 11]. В связи с этим дальнейшее развитие метатеоретических философских подходов к исследованию духовности в синтезе с богословием в сотериологическом контексте, раскрыва-

ющем ее основную роль, представляется актуальным для пенитенциарной науки и ее методологии.

Трудность решаемой проблемы состоит в том, что вопрос о сущности дискурса (концепта) духовности во многом не решен, а имеющиеся определения духовности остаются размытыми и бессодержательными. Нравственность и духовность – водораздел традиционных философско-богословских представлений и секуляристского подхода. Речь идет как об их понимании, так и о представлениях о цели жизни человека. Для раскрытия концепта духовности в философии и психологии обычно используются общие понятия: этика, универсальные ценности, жизнь, свобода, добро и т. д. Их понимание отражает гуманистическую парадигму и дается вне анализа исходных семантических значений. Толкование их смыслов, как и самого дискурса духовности, в недавнем прошлом проводилось в ракурсе материалистической парадигмы, а сегодня осуществляется на основе клише панлиберализма, поэтому в различных научных источниках устранена и продолжает тщательно вычищаться их исходная религиозная сущность. Утратой явилось и представление о сущностном строении души, ее духовно-самобытном характере и о том, что основы стремлений души лежат в ней самой, а не в области предметов, вещей, то есть мира [2]. Духовность в традиционно-консервативном понимании представляется бытийной сущностью души человека не только в его временной, но и в будущей жизни. Ее энергичная (благодатная) природа участвует в достижении истинной и полной свободы личности [3; 6]. Становится очевидной бесплодность попыток построения на гуманистической платформе либерализма какой-либо нравственной гуманитарной психологии и психотерапии. Гуманитарный подход в качестве основной цели психологической помощи постулирует не только необходимость духовной трансформации личности и ее развития, но и важность сохранения жизни души и спасения человека. Эффективность психотерапии определяется мерой ее духовного воздействия. При всей многогранности дискурса духовности ключевое значение в ее понимании придается традиционным консервативным воззрениям на природу духовного бытия человека и его спасения, отраженным в одном из разделов богословской науки – сотериологии. То есть теоретико-методологической базой психотерапии должна стать парадигма ду-

ховности, которая противостоит парадигме либеральности, направленной на «свободу», комфортность и потребление.

Предельная сложность разрабатываемого подхода заключается в соотношении незримого духовного мира, лежащего вне времени, протяжения и даже самого субъекта, и всего зримого, временного, конечного, протяженного, измеряемого, исследуемого психологическими методами. В понимании единства человеческого поведения, в том числе и криминального, центральное место изначально отводилось душе и духовности, которая осмысливается как вертикальная устремленность субъективной реальности (души) к вневременному и непротяженному, что находится в области религиозного и философского познания. Личность при этом выступает как форма осуществления, видимая и явленная ипостась невидимого духа [2; 5; 8; 10]. Наличие противоречий в области познания внутреннего мира человека указывает на необходимость согласования традиционных представлений о реальном объекте – душе – с накопленным психологией огромным массивом эмпирических данных. Они есть многочисленные проявления внешней стороны души, рассматриваемой в качестве психики. То есть психический аппарат, имеющий сочленение с материальным субстратом, может представляться внешней частью души (метаквазиобъектами), тогда как внутренняя – бессмертная (неуничтожимая) энергия и субстанция – является предметом богословского, метафизического познания [2; 4; 10]. Несмотря на условность такого разделения души на внешнюю и внутреннюю части, оно допустимо при осознании того, что это не две разные души, а разные аспекты, ипостаси, стороны единой души. Внутренняя скрытая, сокровенная сторона проявляется во внешних параметрах поведения, но не сводима к ним [2].

Проводимые в последние годы философско-антропологические исследования феномена духовности человека указывают на неизбежность возвращения в научную психологию души и духа как фундаментальных категорий [2; 10]. В проекции развития представлений о человеке будущего все чаще фигурирует новая модель философской антропологии *homo spiritus*, наполненная «ценностными» идеалами либерального толка. Это все те же «общечеловеческие ценности», свобода (как свобода греха) и т. д. В этом отношении как никогда современны мысли Н. А. Бердяева о том, что ис-

тинная антропология связана с проблемой происхождения зла. Зло не самобытное и абсолютное начало в человеке, оно является следствием отпадения от Бога, то есть стало творением, обоготворившим «себя и свои силы» [1, с. 160–161]. Только «Божество есть абсолютное, полное бытие, сущий субъект всякого бытия» и вне Его «нельзя мыслить никакого бытия, в Нем пребывает идеальный космос», в котором «осуществлено совершенное бытие всех и всего» [1, с. 118]. В основе бытия лежит Логос, который есть и субъект, и объект, их тождество. Учение о Логосе является «сверхрационалистическим, преодолением всякого ограниченного рационализма» [1, с. 106]. Идея Логоса, осознанная еще греческой философией, стала основой христианской метафизики, и в словах евангелиста Иоанна «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» отражены все чаяния греческих метафизиков и ветхозаветных пророков. «Логос – Сын Божий есть смысл творения, божественный план творения, идеальная форма его бытия», он «есть предвечный носитель соединенности Творца с творением, любви, соединяющей Божество с человечеством...» [1, с. 128]. И если, как указывает Н. А. Бердяев, в абсолютном бытии исчезает различие между предикатом и субъектом, то зло по своей сущности есть небытие. Оно возникло в сфере небытия и коренится там, заняв призрачное, фиктивное место в бытии, оно «злая пустота, очень содержательная в отношении к нашему опыту, нами переживаемая и испытываемая» [1, с. 119]. «Зло – абсолютно алогично, т. е. противно Логосу, непознаваемо, бездонно, бессмысленно» [1, с. 118]. Н. А. Бердяевым раскрыта ложь (зло) «как западной (католической и протестантской) антропологии, так и антропологии революционного гуманизма, которые одновременно и обоготворили, и принизили человека» [1, с. 161].

Причину, философский исток возникновения ложности западной антропологии, приведшей к обоготворению человека, признанию его святыней, уничтожению религиозности и безбожию, Н. А. Бердяев видит в оторванности философии от бытия, то есть в разрыве насущной связи личности с бытием в трудах И. Канта. Именно Кант «был гениальным выразителем серьезной болезни в бытии человека, он философски формулировал роковой разрыв с корнями и истоками бытия» [1, с. 25]. Н. А. Бердяев пишет, что «кантианство – явление неизмеримо более глубокое и страшное... Отравленный канти-

анством уже не может иметь живых связей с бытием, его мироощущение надорвано» [1, с. 25]. И. А. Ильин также указывал на ошибочность идеи И. Канта о том, что все субъективное только субъективно и не имеет объективной реальности. В противовес этому он утверждает не только объективность субъективных форм воззрений человека и его чистых созерцаний, но и возможность объективного способа бытия, присущего вещам в себе, то есть метафизической реальности [5]. В отечественной христианской философии и современной православной антропологии основой спасения души признается свобода выбора человеком добра, то есть возможность вечного бытия в Боге, или небытия (зла, ада).

Н. А. Бердяев отмечает, что человек – микрокосм, «и в нем дана разгадка тайны бытия – макрокосмоса», что это и есть «основная истина всякой религиозной философии» [1, с. 82]. Если в западной псевдохристианской антропологии была потеряна связь с божеским, то православие ее «сохранило, но не имело никакой самостоятельной антропологии» [1, с. 148]. Ее появление связано с деятельностью самого Н. А. Бердяева и целой плеяды русских христианских мыслителей и богословов, главным достижением которых явилось создание нового типа собственной православной философской антропологии духовности, утверждающей необходимость персонального (собственного) достижения духовности на основе сохранения православных традиций. Утраченное в недрах европейской философии рационализма, позитивизма и т. д. представление античных философов, неоплатонистов и неопифагорейцев о неизбежности Спасителя и принятия Христа получило развитие в трудах русских христианских философов. Г. Г. Шпет, Вл. Соловьев, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и многие другие обогатили идеи Сократа, Платона, Аристотеля, Платина и других мыслителей древности об онтологической духовной сущности человека. Они эксплицировали божественную природу духовности как основную родовую отличительную характеристику человека, ее истинную сущность, свободную и полную смысла жизнь в Боге. Особенностью самобытной отечественной христианской философской антропологии явилась идея трансляции постижения духовности на основе традиционного опыта православия [1, с. 82; 10]. Дальнейшее и еще более глубокое осмысление отечественной духовной тради-

ции в этом направлении было осуществлено после революции русскими богословами на Западе – архимандритом Киприаном (Керном), протоиереем Георгием Флоровским, протопресвитером Иоанном Мейендорфом, И. А. Ильиным, В. Н. Лосским, митрополитом Антонием Сурожским и другими. В их трудах постулировалась недоступность познания духовности посредством научного подхода или мышления [3; 5; 6; 7].

И. А. Ильин, в частности, полагал, что интеллект, ограниченный чувственным опытом и прикованный к отвлеченным логическим понятиям, не может являться критерием религиозной истины [5, с. 109–110]. Вслед за Н. А. Бердяевым он подчеркивал, что рассудок вносит во все упрощение и механически нивелирует органическую тайну жизни. Все непонятное для него отмечается, поскольку не укладывается в скудное и близорукое мировоззрение [5, с. 110]. Главная философская ошибка интеллектуализма, считал И. А. Ильин, состоит в том, что сущее вообще не определяется мышлением и необъяснимо. В пределах эмпирического мира человеческое мышление всегда отстает от бытия, улавливая лишь ничтожную его часть. Противоречия между позитивной наукой (развившейся вне веры, вне любви, вне созерцания) и религией как опытом духовной жизни заключаются в том, что выращенный в бездуховной или даже противодуховной лаборатории критический анализ интеллектуализма оторван от сердца, созерцания и всех органов духа и ум судит за пределами своей компетенции. При этом священное измеряется несвященным, глубокое – мелкими и плоскими критериями, а живое и таинственное воспринимается как отвлеченное и мертвое [5, с. 110]. Духовность души, по И. А. Ильину, является мерой личного духовного опыта и требует от человека усилий. На основе традиций восточной патристики им раскрываются аксиомы религиозного опыта, определя-

ющие пути познания духовности и спасения человека [5, с. 44–45]. Отмечая, что личный живой дух человека означает дар выбора и самоопределения, способность к видению Бога, он расширяет философско-богословскую трактовку духа. Дух предстает как дар и полнота личной свободы, потребность священного, дар молитвы, центр любви и созерцания, совестной воли, верующего сердца и т. д. Философ писал, что религия глубже, шире и окончательнее мысли, а вера и духовность должны родиться в виде любви к Богу и овладеть всеми духовными и психическими внутренними свойствами. Самым драгоценным и могучим религиозным актом, даром и «органом восприятия» духовности является сердечное созерцание. Мыслитель полагал, что религиозное состояние представляет автаркию личного духа в любви к Богу [5]. Раскрывая смысл достижения духовности в деле спасения человека, он указывает, что вне Бога нет жизни, поскольку Он есть подлинно Сущее, таинственная Реальность и кроме Него ничего нет. Как и Н. А. Бердяев, И. А. Ильин развивает положение о том, что Он (Бог) Один Сущий и это закон Его Всецелого бытия. И. А. Ильин предупреждает о губельных и страшных последствиях утраты духовности, являющейся причиной смерти души при жизни как для отдельного человека, так и для народа в целом [5, с. 305–332]. Этот закон Всецелого бытия часто остается без внимания. Знание же его имеет предельный практический смысл не только для раскаяния в совершенном преступлении и исправлении осужденных, но и для спасения души всех людей. Без постоянного общения с Богом человек лишает свою душу истинной жизни, становится ничем, и его дух, умаяясь, оставляет душу, которая существует в каузальном, то есть детерминированном внешними материальными факторами и коллизиями, мире инодуховности, находясь во власти темных сил (зла, то есть небытия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бердяев, Н. А.** Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2015. – 522 с. – ISBN 978-5-8291-1669-9 (Академический проект), ISBN 978-5-88687-223-1 (Деловая книга).
2. **Братусь, Б. С.** Проблема возвращения категории «души» в научную психологию / Б. С. Братусь // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3 (15). – С. 5–15.
3. **Лосский, В. Н.** Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В. Н. Лосский. – Москва : Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
4. **Зинченко, В. П.** Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – 592 с. – ISBN 978-5-9551-0437-9.
5. **Ильин, И. А.** Аксиомы религиозного опыта / Иван Ильин. – Москва : АСТ, АСТ МОСКВА, 2006. – 668 с. – ISBN 5-17-038152-2 (АСТ), ISBN 5-9713-3273-2 (АСТ МОСКВА).
6. **Иоанн Мейендорф (протоиерей).** Введение в святоотеческое богословие / Иоанн Мейендорф. – Минск : Лучи Софии, 2007. – 384 с. – ISBN 978-5-985-6171-82-9.
7. **Лосский, В. Н.** Боговидение. – Минск, 2007. – 495 с. – ISBN 978-985-511-073-7.

8. Мераб Константинович Мамардашвили / под редакцией Н. В. Мотрошиловой. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 438 с. – ISBN 978-5-8243-1218-8.
9. **Монсиньор Поль Пупар.** Церковь и культура. Заметки о пастве разума / Поль Пупар. – Милан ; Москва : Христианская Россия, 1993. – 254 с. – ISBN 5-87648-013-4.
10. **Оботурова, Н. С.** Философско-антропологические основания методологии психотерапии осужденных : монография / Н. С. Оботурова, А. М. Чирков. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 186 с. – ISBN 978-5-94991-469-2.
11. **Тонконогов, А. В.** Обеспечение духовной безопасности в современной России : монография / А. В. Тонконогов. – Москва : Академия управления МВД России, 2011. – 211 с.
12. **Чирков, А. М.** Полиmodalная психотерапия ассоциации стрессовых и психических личностных расстройств у осужденных / А. М. Чирков // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – № 1 (37). – С. 67–71.
13. **Чирков, А. М.** Системогенез стрессовой адаптации осужденных / А. М. Чирков // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 1 (72) – С. 40–46.
14. **Чуприкова, Н. И.** Интроекция и явления сознания в системе естественнонаучной психологии / Н. И. Чуприкова // Вопросы психологии. – 2010. – № 2. – С. 2–20.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The philosophy of freedom. The meaning of creativity. Human Justification Experience]. Moscow ; Yekaterinburg, 2015. 522 p. (In Russ.).
2. Bratus' B. S. Problema vozvrashcheniya kategorii «dushi» v nauchnyu psihologiyu [The problem of returning the category of «soul» to scientific psychology]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal – National Psychological Journal*, 2014, no. 3 (15), pp. 5–15. (In Russ.).
3. Losskij V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoj Cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow, 1991. 288 p. (In Russ.).
4. Zinchenko V. P. *Soznanie i tvorcheskij akt* [Consciousness and creative act]. Moscow, 2010. 592 p. (In Russ.).
5. Il'in I. A. *Aksiomy religioznogo opyta* [Axioms of Religious Experience]. Moscow, 2006. 668 p. (In Russ.).
6. Ioann Mejendorf (protoierej). *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie* [Introduction to Patristic Theology]. Minsk, 2007. 384 p. (In Russ.).
7. Losskij V. N. *Bogovidenie* [Godvision]. Minsk, 2007. 495 p. (In Russ.).
8. Motroshilova N. V. (red.) *Merab Konstantinovich Mamardashvili* [Merab Konstantinovich Mamardashvili]. Moscow, 2009. 438 p. (In Russ.).
9. Monsin'or Pol' Pupar. *Cerkov' i kul'tura. Zametki o pastyrstve razuma* [Church and culture. Notes on Shepherding the Mind]. Milan ; Moscow, 1993. 254 p. (In Russ.).
10. Oboturova N. S., Chirkov A. M. *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya metodologii psihoterapii osuzhdennykh* [Philosophical and anthropological foundations of the methodology of psychotherapy of convicts]. Vologda, 2019. 186 p. (In Russ.).
11. Tonkonogov A. V. *Obespechenie duhovnoj bezopasnosti v sovremennoj Rossii* [Ensuring spiritual security in modern Russia]. Moscow, 2011. 211 p. (In Russ.).
12. Chirkov A. M. Polimodal'naya psihoterapiya associacii stressovykh i psihicheskikh lichnostnykh rasstrojstv u osuzhdennykh [Multimodal psychotherapy of the association of stress and mental personality disorders in convicts]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2017, no. 1 (37), pp. 67–71. (In Russ.).
13. Chirkov A. M. Sistemogenez stressovoj adaptacii osuzhdennykh [Systemogenesis of stress adaptation of convicts]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organah – Psychopedagogy in law enforcement*, 2018, no. 1 (72), pp. 40–46. (In Russ.).
14. Chuprikova N. I. Introekciya i yavleniya soznaniya v sisteme estestvennonauchnoj psihologii [Introjection and phenomena of consciousness in the system of natural science psychology]. *Voprosy psihologii – Psychology Issues*, 2010, no. 2, pp. 2–20. (In Russ.).